

версий с архаичными корнями (**kuk-*, **kok-* ‘гнуть’, **kur-* ‘гнуть’, **kos-* ‘торчать’, **uerb-* ‘вертеть’). В результате оторнитонимическая версия, не являясь, возможно, этимологической, становится народноэтимологической и контаминирует с исходным этимологическим признаком. В таких ситуациях необходимо разрешение этимологической «дискуссии» для каждого из найденных образований.

Таким образом, предлагаемая методика ономаσιологического анализа производной лексики актуальна не только при собственно ономаσιологическом исследовании. Она может быть использована при работе с лексическим фондом в этнолингвистическом направлении исследования, а кроме того, открывает дополнительные возможности для этимологического анализа.

М.А. Макридина

Опыт анализа мотивной структуры концепта «трудолюбие» в русском языке

Изучение лексико-семантических полей в русле концептуального анализа представляется перспективным в целях экспликации определенного фрагмента знания о действительности, зафиксированного в языке. Данная статья является попыткой рассмотреть внутреннюю организацию концептуального поля «трудолюбие» в русском языке.

Материалом для анализа послужили лексические и фразеологические единицы диалекта и литературного языка, содержащие в своей семантике признак ‘положительное отношение к труду’ (выборка производилась по следующим источникам: СРГСУ-Д, ЛК ТЭ, НОС, СОВРЯ, СРГСУ, СРНГ, ССРЛЯ, ТСРЯ XX в.)¹.

При реконструкции концепта важнейшую роль играет изучение ономаσιологического уровня смыслообразования, который создается совокупностью мотивировочных признаков, легших в основу номинаций, составляющих концептуальное поле.

Особенность формирования смыслов в концептуальном поле «трудолюбие» заключается в том, что в фокусе номинации оказывается лицо по отношению к процессу – трудовой деятельности. При этом выделяется два аспекта. С одной стороны, оценивается именно *субъект труда* – в его природных качествах и свойствах. С другой стороны, характеризуются *субъектно-объектные отношения* (где объектом является

¹ При сборе словарного материала отбирались лексемы с дефинициями типа ‘хороший работник’, ‘работающий человек’, ‘человек, усердный в работе’, ‘трудолюбивый человек’, ‘умелец, мастер на все руки’ и т.п.

деятельность субъекта), которые в итоге реализуют универсальные схемы таких отношений:

S - O (субъект в процессе деятельности; оцениваются объективные характеристики выполняемой работы);

S > O (цели и мотивы субъекта по отношению к деятельности);

S < O (последствия деятельности для субъекта);

↗ O ↘

S - S (отношения между субъектами по поводу деятельности).

Наряду с формально-логической классификацией ономаσιологических моделей возможно также рассмотрение собственно содержательной стороны, которая представляет собой систему определенных мотивов. Мотив интерпретируется как инвариант смыслов, существующих в семантической структуре единиц поля. Каждый мотив представляет собой отражение представлений носителя языка о человеке в процессе труда.

Так, представления об особой силе, характеризующей трудолюбивого человека, эксплицируются в *мотиве крепости* – в единицах, обозначающих физические характеристики человека: *мосол* [СРНГ 18, 286], *ломаная кость* [СРНГ 16, 34], *несидяча косточка* [НОС 4, 126], *склёпистый* (с *клепать* ‘ковать’ [СРНГ 13, 278]). В этом плане показателен также *мотив деформации*, который прослеживается в образной структуре некоторых единиц: *корёга* [СРНГ 14, 315], *натуга* [СРНГ 20, 235], *ломаная кость* [СРНГ 16, 34]. Последний формально противоречит первому, но, по сути, является только более четкой и наглядной фиксацией представлений о характере и степени трудности работы – физической, тяжелой, изнурительной (ср.: *ломать(ся)* ‘много, тяжело работать’ [НОС 5, 40]; *вытягивать жилы* ‘работать до изнеможения’ [СРГСУ 1, 126]; *сгорбачиваться* ‘сгибаться от работы’ [СРГСУ 5, 124]).

Широко представлены номинации, в основу которых положены представления о должном характере выполнения работы (концептуальная схема S – O). Языковым ядром подобных представлений служит *мотив кручения / верчения*, оказывающийся плодотворным как в количественном, так и в качественном отношении. Сюда относятся единицы, характеризующие не только проворность и умение заниматься сразу несколькими делами, «по кругу»: *вокругной* [СРГСУ 282, 86], *заворотный* [СРГСУ 2, 167], *крутенький* [НОС 4, 156], *развертной* [СРГСУ 5, 82], но и определенный склад ума, позволяющий такую разноплановую деятельность: *перевёрчивый* ‘ловкий в ведении дел’ [СРГСУ 5, 12], *ходовой* ‘бойкий, энергичный, проворный и сметливый в деле’ [СРГСУ-Д, 554]; ср. также контекст: // *мужик он заворот-*

ный – *фсе у ево на местах*// [СРГСУ 2, 67], обороты современной разговорной речи: *прокручивать делишки, крутить-вертеть делами*.

Положительной в целом оценке подобного рода физической активности противостоит только лексема *некрутень*, где корнем *крут-* манифестируется признак ‘бесцельность, бессмысленность движения’. Подобная словообразовательная модель представлена также лексемами *невихлявенький* [НОС 6, 33], *неулёжка* [СРГСУ 4, 136] и фразеологизмами *несидальный человек* [СРНГ 21, 151], *несидяча косточка* [НОС 10, 11]. Если первая лексема актуализирует признак ‘собранный, нелегкомысленный’, то последние, отталкиваясь от представлений о лени (противоположном трудолюбию качеству) как о сидячем и лежащем образе жизни: *лежень* [ССРЛЯ 5, 98], *лежнобокий* [СРГСУ-Д, 280], *просиживать штаны* [СОВРЯ, 140], реализуют идею общей активности, подвижности трудолюбивого человека.

Тесно связаны с ней два других мотива – *скорости и интенсивности*: *лихонький* [НОС 9, 30], *каюр(а)* [СРНГ 13, 155], *недогониха* [НОС 6, 37], *молотяга* [СРГСУ 3, 138], *ломовик* [НОС 9, 39], *задавной* [ЛК ТЭ], *дроволом* [СРНГ 8, 192], *быстрога* [СРНГ 2, 203], *ерыкала* [СРНГ 9, 37] (*ерыкать* ‘соро, с шумом делать что-либо’ [СРНГ 9, 39]). Необходимо отметить особенность языковой реализации мотива интенсивности: производящей основой преимущественно служили глаголы с семантикой интенсивного физического действия, направленного на разрушение (‘ломать’, ‘молотить’, ‘давить’). Это свидетельствует о существовании дополнительного признака ‘делающий работу, не требующую умственных усилий’ (ср.: *ерыкала* ‘дурак, неотесанный болван’ [СРНГ 9, 37]; показательна также поговорка *Сила есть – ума не надо*).

Указанными мотивами не исчерпывается содержание блока смыслов, обозначающих объективные характеристики трудового процесса. В сознании носителя языка существует также образ, противостоящий образам человека, выполняющего работу быстро, проворно, в большом объеме. В языке данный образ выражается в *мотиве тщательного выполнения работы*: *курохта* [СРНГ 16, 41] (ср.: *курохтаться* ‘медленно делать что-либо, копать, возиться’ [СРНГ 16, 142]), *ковырный* [НОС 4, 66] (ср.: *ковырять* ‘рыть, копать, пахать’; ‘вязать крючком’ и др. [СРНГ 14, 40]), *крот, копоской* [НОС 4, 107]. Как можно заметить, в данном случае акцент ставится не на скорость, а на качество выполнения работы. В результате появляется признак ‘делающий работу, требующую особого внимания к мелочам’. Таким образом, оппозиция мотивов оборачивается противопоставлением рода работы и способностей тех, кто ею занимается.

Оценка способностей трудолюбивого человека образует отдельный уровень смысла в структуре поля. Это выражается в существовании *мотива умелости/изобретательности*: *имун* [СРНГ 12, 104] (ср. *имать* 'пробовать что-либо делать' [СРНГ 12, 144], ср. также *имун* 'человек бойких способностей, дошлый и доточный на все' [Даль 2, 42]), *кудесник* [НОС 4, 170], *кумека* [СРГСУ 3, 272], *приспособчивой* [СРГСУ 5, 135], *дохтур* [СРНГ 8, 162], *источник* [СРНГ 12, 262] («*источить* 'мастерить, делать, хитро налаживать' [СРНГ 12, 262]), *донник* [СРНГ 8, 125] («*донный* 'способный, знающий' [СРНГ 8, 126])).

Неоднозначной в интерпретационном отношении является концептуальная схема $S > O$, лежащая в основе смыслов, характеризующих цели человека в процессе деятельности. С одной стороны, материал демонстрирует негативное отношение носителя языка к каким-либо целям и мотивам субъекта трудовой деятельности. Об этом свидетельствуют языковые факты разных уровней: 1) внутренняя форма и этимологическое значение некоторых слов (*казнадей* [СРНГ 12, 321], *капиталик* [НОС 4, 19]), выражающее корыстное намерение лица – копить, собирать, наживать; 2) семантическая структура слов, где ближайшими «соседями» оказываются значения с отрицательной маркировкой: 'скупой человек' (*кукобник* [СРНГ 16, 38]); 'пьяница' (*жорло* [СРНГ 9, 217]); 'злой человек' (*аред* – 1. дряхлый старик, который всем в тягость; 2. злой, жадный до какого-либо дела человек [СРНГ 1, 272]); 'жадный' (*солощий* < 1. жадный до еды [НОС 10, 116]); 'завистливый' (*завистный* [НОС 3, 14]; *завидный* [НОС 3, 13]); 3) ассоциативные связи, основанные на словообразовательной структуре слова (*трудоголик* [ТСРЯ XX в., 396]).

С другой стороны, *мотив корысти/выгоды* может интерпретироваться как второстепенный или исчезать совсем, оставляя значение 'заботливый, бережливый, радеющий о порядке, а не о прибыли в хозяйстве'. *Мотив жадности/зависти*, в таком случае, может трактоваться как представление о насущной необходимости работы для поддержания существования, переходящей в своего рода привычку, потребность.

Скорее всего, доминирует все-таки положительное отношение к человеку, работающему как бы сверх меры или стремящемуся приобрести что-либо в процессе труда; а появление отрицательно маркированных значений – результат вторичного осмысления внутренней формы слов.

Подобная неоднозначность проявляется на семантических параллелях еды и труда. Приравнивание этих двух составляющих человеческой жизнедеятельности запечатлено и в корпусе пословиц, например: *Дело учит, и мучит, и кормит; Не печь кормит, а руки; На чужую работу глядя, сыт не будешь* и т.п.

Представления об отношениях между субъектами труда по поводу работы в языке воплощаются в двух вариантах. В первом случае подобные отношения представляют собой схему «работник – работодатель» и на уровне языка фиксируются в *мотиве подневольного труда*: *батрак* [СРНГ 2, 147], *египетка* [СРНГ 8, 216], *безответник* [СРНГ 2, 196], ср. также распространенное в современном сленге слово *негр*.

Второй вариант основан на *мотиве превосходства*, который представлен лексемами: *воевода* [СРНГ 4, 354], *зарез* [СРНГ 10, 381] («*зарезать* – превзойти кого-либо в чем-либо» [СРНГ 10, 381]), *недогониха* [НОС 6, 37], *первушной* [СРГСУ 6, 126]. Во внутренней форме данных слов содержится образ трудолюбивого человека, занимающего первое место в условном соревновании между субъектами труда. Если перенести этот образ в план социальных отношений, то можно сделать выводы об особом статусе человека труда в обществе.

Спорный момент в определении мотивной структуры поля связан с существованием ряда единиц, объединенных общей моделью смыслообразования (*дошлец*, *дошляга* [СРНГ 8, 166], *комедчик* [СРНГ 14, 229], *намытарь* [СРНГ 20, 45]), для которых формирование значения ‘мастер, умелец’ идет на базе основного значения ‘плут, хитрец, проныра’. Выделение мотива обмана противоречит положительным характеристикам трудолюбивого человека, преобладающим в остальных мотивах. Но это противоречие в некоторой степени снимается при сопоставлении данного ряда слов с лексемами, в семантической структуре которых присутствует мотив умелости, изобретательности. В этом случае, по всей видимости, можно говорить о варьировании мотива по степени проявления признака. Подобная трансформация, связанная с отношением к норме, исходит, скорее всего, из «закономерностей «оязыковления», основанных на самой логике восприятия, стремящегося фиксировать прежде всего аномальные явления»².

Таким образом, рассмотрение внутренней формы и этимологического значения слов очерчивает примерно круг смыслов, составляющих содержание концептуального поля «трудолюбие». Объединение изначальных смыслов в виде мотивов и соотнесение их друг с другом позволяет выстроить определенную систему мотивов, которая может быть прочитана как текст, где присутствует определенный субъект, включенный в трудовые отношения. Попытаемся его реконструировать.

Так, трудолюбивый человек в представлениях носителей традиционной культуры должен прежде всего быть физически крепким, имеющим силу и мощь, необходимые для быстрого, интенсивного и длительного выполнения тяжелой, подчас «черной» работы.

² Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 65.

При отсутствии подобных природных данных на первое место выдвигается или мобильность, ловкость, умение заниматься сразу же несколькими делами одновременно, или посвящение себя какой-либо одной деятельности, но требующей усидчивости, кропотливости, внимания к мелочам. Скорее всего, именно такая старательность переходит со временем в умелость, искусство. При этом настоящий «мастер» должен обладать природной смекалкой и изобретательностью, что иногда в глазах окружающих понимается как хитрость, оборотливость – качества, направленные на достижение собственной выгоды.

Залогом добросовестности и работоспособности становится отношение человека к труду, которое может превратиться в необходимость, некоторую потребность в труде. А результатом всех потраченных усилий становится особый авторитет, приобретаемый человеком, желающим и способным трудиться.

В.В. Глушкова

Номинативная модель «дерево – человек» в русском и болгарском языках

Как известно, дерево неизменно присутствовало в картине мира наших предков. Известный миф о мировом древе, связывающем подземный, земной и небесный миры, показывает, насколько важную роль играло дерево в восприятии человеком окружающего мира. Прослеживаются и параллели между деревом и непосредственно человеком, в частности, с человеческим родом на уровне родовой общины: корни дерева ассоциируются с предками, ветви – с членами семьи, плоды дерева – с потомками. Возможно, существовала и ассоциация с человеком как отдельным индивидуумом. Белорусы полагали, «что в каждом скрипучем дереве томится душа умершего, которая просит прохожих помолиться за нее»¹. С этим же связан обычай сажать деревья на могилах умерших. По-видимому, дерево рассматривалось таким же вместилищем души, как и человеческое тело. Разница заключалась в том, что дерево, как неживая форма, принимало душу *после смерти* человека.

Таким образом, ясно выявляется параллель между деревом и человеком. Особенно часто дерево ассоциируется именно с глупым человеком. Почему?

Нетрудно заметить, что слова *болван, бревно, дубина, пень, полено, чурбан, чурки* и т.п. в прямом значении обозначают необработанные

¹ Славянская мифология. М., 1995. С. 168.